
ЧЕЛОВЕК И ЭКОНОМИКА

Российские домохозяйства: компаративный анализ социальных последствий экономических кризисов¹

С.Н. СМИРНОВ

Социальные последствия экономических кризисов 1998 – 1999 и 2008 – 2009 гг. во многом отличались. Различия были обусловлены не только особенностями экономической конъюнктуры, но и принимавшимися управленческими решениями. Финансовые ресурсы, накопленные в 2000-е гг., позволили в значительной степени купировать риски падения уровня жизни некоторых социально уязвимых групп населения, прежде всего, пенсионеров. Если в 1998 г. российские домохозяйства вынуждены были руководствоваться стратегией самовыживания, то спустя десятилетие они могли рассчитывать на реальную поддержку государства. Вместе с тем подобного рода поддержка имеет и негативный эффект: рост зависимости граждан от государства, свертывание экономических и гражданских инициатив членов социума.

Ключевые слова: экономический кризис, доходы домохозяйств, социально-экономическая дифференциация, рынок труда, занятость населения, пенсионное обеспечение

Давно минули годы перестройки, когда для основной части мыслящей гуманитарной интеллигенции России вопросы «кто враг, а кто друг; что правильно, а что неправильно» решались вполне однозначно. Реформы 1992 г., которые одни – с искренним дружелюбием, а другие – с непримиримой враждой к их покойному идеологу, называют «гайдаровскими», разделили эту интеллигенцию, части которой хотелось демократии в плановой экономике. Реалии разрушили эти иллюзии, и вопрос о сближении первых со вторыми дебатруется до настоящего времени. И, наверное, поэтому в научных, прежде всего, экономических дискуссиях, серьезное обсуждение социально-экономических проблем подменяется наклеиванием политических ярлыков. Убедить оппонентов невозможно, и каждый из них остается на своих позициях, невзирая на количественные значения статистических показателей, в большей или меньшей степени объективно характеризующих социальную ситуацию в стране.

¹ При написании статьи использованы некоторые положения доклада «Причины и последствия роста социальной напряженности, обусловленной влиянием финансово-экономического кризиса в России», с которым автор выступил в Госкорпорации «Росатом» на семинаре «Модель текущего экономического кризиса: социально-экономические последствия кризиса для субъектов крупного бизнеса» 3 сентября 2009 г.

Обычно в кризисные годы градус дискуссий повышается: одни и те же цифры дают основания для различных, порой прямо противоречащих друг другу выводов. Но автор данной статьи, не зашоренный идеологическими догмами, видит свою задачу в том, чтобы на основе анализа доступных данных социальной статистики попытаться понять, какие изменения произошли в социальной сфере в период разделенных десятилетием кризисов 1998–1999 и 2008–2009 гг., каким образом они отразились на российских домохозяйствах, и, наконец, являлись ли происходившие изменения системными, либо же они носили случайный характер.

Следует сказать, что публикации, ориентированные на компаративистику в данном предметном поле, автору не известны. Как правило, в настоящее время в российской печати отслеживаются последствия кризиса 2008–2009 гг. [Ржаницына, Рыбальченко 2010], однако число подобных публикаций к моменту написания данной статьи было весьма ограничено. Достаточно сказать, что такой серьезный журнал, как «Вопросы экономики» в 2009 – начале 2010 гг. вообще не обращался к анализу проблем социальной сферы России в условиях кризиса, в то время как ранее его редакция достаточно оперативно отслеживала изменения социальной ситуации в стране в кризисных условиях [Исаев, Смирнов 1999] или же представляла свои страницы для мониторинга новых социальных явлений [Гонтмахер, Малева 2008]. В определенном смысле автор статьи продолжает эти исследования, стремясь придать им новый импульс, отказавшись от простой констатации изменений значений показателей, которые характеризуют социальную ситуацию в стране. Понятно, например, что само по себе увеличение числа безработных в стране – процесс негативный, но степень остроты ситуации на рынке труда можно понять, только проанализировав структурные характеристики безработицы. Кроме того, автору было интересно понять, изменялось ли поведение российских домохозяйств в кризисных условиях.

В основу статьи положен проведенный анализ основных показателей, характеризующих условия функционирования и принятия решений домохозяйствами в условиях каждого из кризисов, которые определяются ниже «первым» (1998–1999 гг.) и «вторым» (2008–2009 гг.). Полученные результаты свидетельствуют, что социальные последствия каждого из рассматриваемых кризисов существенно отличались. Кстати, с хронологической точки зрения компаративный анализ оказался весьма продуктивным, поскольку и тот, и другой кризисы начались практически одновременно, и за исходную точку отсчета при анализе изменения социально-экономических показателей нами были приняты разделенные десятилетием августы – 1998 и 2008 гг.

Рассмотрим, прежде всего, такой важный аспект кризиса, как *изменение возможностей финансирования домохозяйств из внешних источников*. Речь идет о потребительском кредитовании, которое в России быстро развивалось в первом десятилетии XXI в. Связано это было с устойчивым ростом цен на нефть, который начался после 2002 г. (см. *таблица 1*). В результате, если в конце 2002 г. величина предоставленных физическим лицам кредитов составляла всего 113 млрд руб.², или 1,65% денежных доходов населения, то в конце 2008 г. эти показатели увеличи-

² Здесь и ниже, если не оговорено особо, в статье используются официальные данные Росстата.

чилились соответственно до 4017 млрд руб. (в 35,5 раз) или 15,72% (в 9,5 раз). При сокращении численности населения страны душевая величина потребительских кредитов возросла за этот период с 778 до 28287 руб. или в 36,4 раза.

Таблица 1. Динамика кредитования физических лиц в Российской Федерации

Годы	Кредиты, предоставленные физическим лицам, на конец года			Среднегодовая цена на нефть марки «urals»		Прирост кредитов в расчете на \$1 удорожания нефти
	всего, млрд руб.	прирост, млрд руб.	всего, % к денежным доходам	\$/баррель 48 ³	прирост, \$/баррель	
2002	113	-	1,65	23,73	-	-
2003	249	136	2,79	27,03	3,30	41,2
2004	538	289	4,90	34,40	7,37	39,2
2005	1056	518	7,64	50,47	16,07	32,2
2006	1883	827	10,89	61,16	10,69	123,6
2007	2971	1088	13,94	69,34	8,18	133,0
2008	4017	1046	15,72	94,33	24,99	41,9

Однако при этом культура потребительского кредитования оставалась на низком уровне. На редкость уместны оказались слова песни А. Галича из далекого 1969 г.: «А то, что придется потом платить, так ведь это ж, пойми, – потом!» Иллюзия доступности кредитов, поддерживалась финансово-кредитными учреждениями. Неумение оценивать и страховать свои риски в этом поле были характерны для многих российских домохозяйств, впервые ставших заемщиками на пике развития рынка кредитования физических лиц. Финансово-экономический «ликбез» населения в области потребительского кредитования, рекомендации о расчете возможной величины заимствований в зависимости от доходов домохозяйства отсутствовали, хотя такой «ликбез» теоретически должен был бы осуществить регулятор банковской деятельности – Центробанк. Ситуация выглядела тем более странной, что в тот же период было налажено информирование граждан о стартовавшей в 2002 г. пенсионной реформе, затрагивающей экономические интересы практически всех российских граждан [Пенсия в ваших руках 2003; *Шараев и др.* 2004].

Абсолютного максимума величина кредитов, выданных физическим лицам, достигла к концу октября 2008 г., когда она составила 4083 млрд руб. Далее тенденция изменилась в противоположную сторону. К началу декабря 2009 г. величина кредитов уменьшилась до 3586,2 млрд руб. или на 12%, что практически соответствовало их величине в начале июля 2008 г. При этом роль кредитов в формировании денежных ресурсов домохозяйств снизилась: в начале декабря 2008 и 2009 гг. их величины по отношению к денежным доходам населения России, полученным

³ По данным Информационно-аналитического центра «Минерал» (<http://www.mineral.ru/Facts/Prices/118/248/index.html>).

в январе – ноябре этих лет, составили соответственно 18,1% и 14,3%. Одновременно возросла и средневзвешенная ставка по кредитам: если в 2008 г., например, по рублевым жилищным кредитам она составила 13%, а по кредитам в иностранной валюте – 11%, то в январе – ноябре 2009 г. – соответственно 14,7% и 13,5%.

Иными словами, рынок кредитования физических лиц в 2009 г. принципиально изменился: цена входа на него для многих домохозяйств стала носить запретительный характер, в то время как до кризиса этот вход был достаточно свободным.

В этом отношении ситуация в период, предшествовавший «второму» экономическому кризису, существенно отличалась от той, которая сложилась в 1998 г., когда система кредитования физических лиц фактически отсутствовала. К началу августа 1998 г. физическим лицам было предоставлено кредитов на общую сумму 18,4 млрд руб. Более того, уже в условиях кризиса к началу 1999 г. величина этих кредитов увеличилась до 20,1 млрд руб., что составило, однако, всего 1,2% денежных доходов населения страны, которые были получены в 1998 г. А это означает, что в 1998–1999 гг. можно было не рассматривать динамику величины кредитов, предоставленных физическим лицам: их роль в формировании ресурсов российских домохозяйств в тот период была крайне незначительной. В качестве статистической иллюстрации добавим, что в посткризисный 1999 г. кредитование физических лиц не только не уменьшалось, но и возрастало. Например, к началу августа 1999 г. величина таких кредитов превысила аналогичный прошлогодний показатель на 4,5 млрд руб., или почти на $\frac{1}{4}$.

Однако основным источником формирования денежных доходов населения России как в конце 1990-х, так и в конце 2010-х гг. оставались *доходы от занятости*. В этом контексте нужно отметить, что в результате кризиса 2008 г. доступ к физическим лицам к кредитам ухудшился еще и потому, что уменьшились реальные доходы от занятости, а ведь именно занятое население является основным заемщиком на рынке кредитов, которые предоставляются физическим лицам.

В целом, среднемесячная начисленная номинальная заработная плата на одного работника увеличилась в декабре 2009 г. по сравнению с декабрем 2008 г. на 8,1%. Однако в реальном исчислении она сократилась на 1%, поскольку потребительские цены в 2009 г. возросли на 8,8%. В 1999 г. по сравнению с 1998 г. доходы от занятости сократились в существенно большей степени: номинальная средняя заработная плата увеличилась на 42,7%, в то время как в реальном исчислении она уменьшилась на 23,2%.

Заметим, что существующие данные (см. *таблица 2*) позволили определить, что в наибольшей степени от уменьшения реальной заработной платы в результате кризиса 2008 г. пострадали занятые в строительстве (где сократилась и номинальная начисленная заработная плата), финансовой деятельности, а также так называемый реальный сектор – обрабатывающие производства и добыча полезных ископаемых. У занятых в этих видах экономической деятельности реальная заработная плата в январе – ноябре 2009 г. по сравнению с январем – ноябрем 2008 г. оказалась меньше соответственно на 12,7%, 9,3%, 8,6% и 6,2%.

Таблица 2. Сокращение реальных доходов от занятости в Российской Федерации (средняя начисленная заработная плата в январе – ноябре 2009 г.)

Вид экономической деятельности	% к январю – ноябрю 2008 г.	Доля в общей численности занятых на конец ноября 2007 г., %
Рыболовство, рыбоводство	120,3	0,25
Образование	117,9	9,35
Здравоохранение и предоставление социальных услуг	115,4	7,53
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	113,3	7,57
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное страхование	113,2	7,16
Предоставление прочих коммунальных, социальных и персональных услуг	113,2	3,69
Производство и распределение электроэнергии, газа и воды	112,6	2,71
ИПЦ (индекс потребительских цен)	111,9	
ПО ВСЕМ ВИДАМ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ	108,3	
Транспорт и связь	109,3	9,13
Операции с недвижимым имуществом, аренда и предоставление услуг	108,9	6,46
Гостиницы и рестораны	108,6	1,89
Оптовая и розничная торговля; ремонт автотранспортных средств, мотоциклов, бытовых изделий и предметов личного пользования	108,1	16,07
Добыча полезных ископаемых	105,0	1,76
Обрабатывающие производства	102,3	17,32
Финансовая деятельность	101,5	1,74
Строительство	97,7	7,49

Зная распределение численности занятых по видам экономической деятельности (см. *таблица 2*), можно определить, что сокращение реальной заработной платы охватило в целом те виды экономической деятельности, в организациях которых работали почти 62% занятых в экономике Российской Федерации. Повышение же реальных доходов от занятости произошло в тех видах экономической деятельности, где работали около 38% занятых. А главным следствием сокращения платежеспособного спроса большинства трудоспособного населения стала примитивизация структуры потребления домохозяйств.

К сожалению, приведенные выше данные не могут быть непосредственно сопоставлены с аналогичными статистическими показателями за 1999 г., поскольку их представление в формате Общероссийского классификатора видов экономиче-

ской деятельности (ОКВЭД) началось только после его введения в действие в ноябре 2001 г. Тем не менее, анализ данных о динамике заработной платы в формате ранее действовавшего Общероссийского классификатора отраслей народного хозяйства (ОКОНХ) свидетельствует о достаточно быстром преодолении сокращения доходов, о занятости после кризиса 1998 г. (см. *таблица 3*). В ноябре 1999 г. реальная заработная плата занятых практически по всем отраслям народного хозяйства превысила индекс потребительских цен.

Таблица 3. **Изменение реальных доходов от занятости в Российской Федерации (средняя начисленная заработная плата в ноябре 1999 г.)**

Отрасль народного хозяйства	% к ноябрю 1998 г.
Наука и научное обслуживание	180,7
Финансы, кредит, страхование	168,4
Транспорт	166,1
Лесное хозяйство	162,0
Связь	156,2
ПО ВСЕМ ОТРАСЛЯМ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА	155,8
Промышленность	155,5
Сельское хозяйство	151,9
Здравоохранение, физкультура и социальное обеспечение	148,9
Образование	147,5
Культура и искусство	145,6
Строительство	141,5
ИПЦ (Индекс потребительских цен)	134,7
Управление	134,5

Далее уместно задаться вопросом, были ли схожими изменения в *структуре потребления домохозяйств*, которые произошли в периоды, следовавшие за каждым из кризисов?

Давно разработаны многочисленные критерии, на основании значений которых можно делать выводы об уровне бедности индивидуума или домохозяйства. Одним из таких критериев является доля расходов, которые домохозяйства направляют на приобретение продуктов питания. Очевидно, что при повышении этой доли ресурсы домохозяйств, которые могут быть использованы в иных целях, сокращаются, то есть доходы фактически «проедаются». Ситуация в России в 2009 г. (см. *таблица 4*) наглядно показала рост бедности домохозяйств, если для его оценки используется данный критерий. Приведенные цифры подтверждают достаточно серьезные изменения макроструктуры потребления населения страны в условиях кризиса. Изменение соотношения между расходами на приобретение пищевых продуктов к расходам на приобретение непродовольственных товаров в пользу первых на 10–15% представляется нам существенным. Это соотношение быстро изменялось в течение первых месяцев кризиса, когда стремилось к некоторому новому равновесному значению.

Таблица 4. Отношение расходов населения Российской Федерации на приобретение пищевых продуктов к расходам на приобретение непродовольственных товаров, руб./руб.

Месяц	1998	1999	Изменение	2008	2009	Изменение
Январь	0,78	0,98	0,20	0,85	0,92	0,07
Февраль	0,82	0,97	0,15	0,85	0,94	0,09
Март	0,85	0,96	0,11	0,86	0,96	0,10
Апрель	0,88	0,95	0,07	0,80	0,97	0,17
Май	0,90	0,97	0,07	0,86	0,99	0,13
Июнь	0,89	0,95	0,06	0,84	0,97	0,13
Июль	0,90	0,96	0,06	0,83	0,96	0,13
Август	0,86	0,88	0,02	0,82	0,94	0,12
Сентябрь	0,90	0,91	0,01	0,81	0,93	0,12
Октябрь	0,92	0,90	-0,02	0,82	0,92	0,10
Ноябрь	0,93	0,87	0,06	0,84	0,93	0,09
Декабрь	0,93	0,89	-0,04	0,88	0,96	0,08

Последствия сокращения реальных денежных доходов большинства занятого населения с точки зрения их потребительского поведения оказались как в 1998–1999, так и в 2008–2009 гг. вполне предсказуемыми. Прежде всего, домохозяйства отказывались от приобретения непродовольственных товаров, не являвшихся предметами первой необходимости. Количественно такие стратегии потребительского поведения населения характеризуются следующими показателями: если оборот розничной торговли пищевыми продуктами в 1999 и 2009 гг. увеличился в текущих ценах по сравнению с теми же периодами 1998 и 2008 гг. соответственно на 72,9% и 11,3%, то оборот розничной торговли непродовольственными товарами в первом случае возрос на 65,2% а во втором – уменьшился на 1,6%.

Во вторую очередь рационализировалась структура продовольственной корзины за счет замены дорогих продуктов питания дешевыми и простыми. Это было необходимо, поскольку покупательная способность среднестатистических денежных доходов населения по таким значимым для повседневного питания продуктам, как говядина, молоко, рыба и сахар-песок заметно снизилась (в 2009 г. по сравнению с 2008 г. соответственно на 4,2%, 3,9%, 7,2% и 12,1%). Отчасти это компенсировалось повышением покупательной способности населения по некоторым овощам (например, по капусте белокочанной на 31,4%, картофелю – на 19,2%), крупам (на 14,3%), хлебу и булочным изделиям (на 4,3%), подсолнечному и сливочному маслу (соответственно на 29% и 5,2%), куриным яйцам (на 15,1%).

Такие сдвиги произошли еще и потому, что, несмотря на кризисные явления и возражения многих экспертов в области социальной политики, в январе 2009 г. были в очередной раз повышены цены и тарифы на жилищно-коммунальные услуги, и покупательная способность среднестатистических денежных доходов населения по абсолютному большинству этих услуг снизилась.

Аналогичные изменения происходили и в период, последовавший за кризисом 1998 г. В 1999 г. покупательная способность среднестатистических денежных до-

ходов населения России по 14 позициям продовольственных товаров (говядина, мороженая рыба, масло животное и растительное, маргарин, молоко, яйца, сахар-песок, хлеб и хлебобулочные изделия, рис, крупа, пшеничная мука, картофель и свежая капуста) снизилась по сравнению с 1998 г. в среднем на 18,4%. Однако серьезное отличие от ситуации, которая сложилась в 2009 г., состояло в том, что, за исключением водки, не было таких основных продовольственных товаров, покупательная способность населения по которым возросла.

Приблизительно в той же мере, а именно на 18,9%, сократилась в 1999 г. покупательная способность российского населения по 10 основным позициям непродовольственных товаров (к ним тогдашний Госкомстат России отнес мужские куртку, костюм и сорочку, женское пальто, свитер для взрослых, куртку для детей школьного возраста, холодильник, цветной телевизор, бензин, а также отечественные сигареты с фильтром).

Что касается жилищно-коммунальных услуг и услуг городского транспорта, то здесь ситуация коренным образом отличалась от той, которая сложилась спустя десятилетие, когда в результате кризиса нагрузка на семейные бюджеты по оплате таких услуг, как это показано выше, возросла. В 1999 г. в условиях сокращения денежных доходов населения повышение тарифов оказалось более щадящим. В результате покупательная способность среднедушевых денежных доходов жителей России по услугам горячего водоснабжения повысилась на 33,8%, поездкам в городских автобусах – на 26,3%, электричеству и сетевому газу, потребляемым в бытовых нуждах, – соответственно на 16,9% и 12,2% и, наконец, по собственно квартирной плате в домах муниципального жилищного фонда – на 3,3%. Спустя десятилетие из всех жилищно-коммунальных услуг покупательная способность населения возросла только по абонентской плате за неограниченный объем местных телефонных соединений.

Изменения российского рынка труда во время «первого» и «второго» кризисов значительно отличались (см. *таблица 5*). Так, к апрелю–маю 2009 г. он перешел из одного равновесного состояния в другое: именно в эти месяцы были зафиксировано наибольшее увеличение общего числа безработных, а также числа безработных, зарегистрированных в государственных учреждениях службы занятости населения. В дальнейшем ситуация на нем кардинально не ухудшалась. По нашему мнению, одной из причин наступившей «стабилизации» стало сокращение реальной заработной платы занятых в экономике, а также сдерживание высвобождений за счет бюджетной поддержки крупных и средних предприятий.

Таблица 5. Динамика российского рынка труда в условиях кризиса*

Месяц	Число зарегистрированных безработных, тыс. чел.					Общее число безработных, млн чел.					Доля зарегистрированных безработных в общем числе безработных, %					
	1998	1999	При-рост	2008	2009	1998	1999	При-рост	2008	2009	1998	1999	При-рост	2008	2009	
Январь	2203	1938	-265	1552	1708	156	8,3	10,1	1,8	5,0	6,5	1,5	26,5	19,2	31,0	26,3
Февраль	2211	1956	-255	1574	2012	438	8,4	10,4	2,0	5,3	7,1	1,8	26,3	18,8	29,7	28,3
Март	2186	1920	-266	1534	2177	643	8,5	10,0	1,5	4,9	6,9	2,0	25,7	19,2	31,3	31,6
Апрель	2154	1848	-306	1478	2269	891	8,5	9,6	1,1	4,5	6,7	2,2	25,3	19,3	32,8	33,9
Май	2073	1730	-343	1397	2211	814	8,3	9,1	0,8	4,1	6,5	2,4	25,0	19,0	34,1	34,0
Июнь	1997	1595	-402	1332	2142	810	8,1	8,8	0,7	4,2	6,3	2,1	24,7	18,1	31,7	34,0
Июль	1979	1500	-479	1317	2146	829	8,1	8,7	0,6	4,3	6,2	1,9	24,4	17,2	30,6	34,6
Август	1967	1423	-544	1294	2108	824	8,3	8,6	0,3	4,5	6,0	1,5	23,7	16,5	28,8	35,1
Сентябрь	1990	1339	-561	1247	2035	788	8,6	8,7	0,1	4,7	5,8	1,1	23,1	15,4	26,5	35,1
Октябрь	2066	1283	-783	1245	2014	769	8,9	8,7	-0,2	5,0	5,8	0,8	23,2	14,7	24,9	34,7
Ноябрь	2129	1262	-867	1304	2041	737	9,4	8,7	-0,7	5,3	6,1	0,8	22,6	14,5	24,6	33,5
Декабрь	2148	1443	-705	1522	2147	625	9,7	8,7	-1,0	5,9	6,2	0,3	22,1	16,6	25,8	34,6

* На конец соответствующего месяца.

Приведенные данные позволяют также развеять миф об административных препятствиях регистрации граждан в качестве безработных, которые создавались местными администрациями. В первые месяцы 2009 г. доля зарегистрированных безработных в общем числе безработных повышалась, и, в конечном счете, превысила ее значение в докризисный период. Если в декабре 2008 г. средняя доля зарегистрированных безработных в общем числе безработных составила 25,8%, то в 2009 г. – 34,6%. По-видимому, административное сдерживание безработицы могло иметь место в конце 2008 г. – начале 2009 г., когда не ясны были возможные масштабы безработицы и не запущены все программы содействия занятости населения, включая предусмотренные антикризисной программы Правительства.

Десятилетием ранее изменения общей и регистрируемой безработицы принципиально различались между собой. При росте в период, последовавший за августом 1998 г., общего числа безработных, определяемых по методологии МОТ, количество зарегистрированных безработных резко снижалось (соответственно – и их доля в общем числе безработных). По нашему мнению, это могло быть связано, в частности, с резким – на 36,5% – увеличением потребительских цен в 1999 г. Ничего подобного не наблюдалось в 2009 г.: потребительские цены в это время повысились всего на 11,7%. В результате во время «первого» кризиса регистрация граждан, которые потеряли работу, в качестве безработных была слабомотивированной с экономической точки зрения (размеры пособий по безработице исчислялись, исходя из размеров докризисных зарплат и не индексировались на индекс потребительских цен). Поэтому в этих условиях безработные граждане были ориентированы на активный поиск работы. Такие изменения позволили уменьшить расходы существовавшего в тот период Государственного фонда содействия занятости населения, из которого производилась выплата пособий.

Нагрузка на государственные учреждения службы занятости в 2009 г. возросла: по данным упомянутого обследования, если в феврале 2008 г. за помощью в поисках работы в эти учреждения обратились 32,8% общего числа безработных, то в феврале 2009 г. – уже 40,9%. Аналогичные показатели в мае составили соответственно 35,8% и 41,7%, в августе – 31,8% и 39% и в ноябре – 32,9% и 41,6%. Существенно повысилась и роль такого способа поиска работы как подача объявлений в печать, отклик на объявления: доля безработных, использовавших этот канал, в феврале и ноябре 2008 г. составила соответственно 15,2% и 14,8%, в то время как в те же месяцы 2009 г. – уже 20,7% и 22,6%.

Во время «первого» кризиса доверие безработных граждан к органам государственной службы занятости как эффективному посреднику в поиске работы было существенно ниже: в ноябре 1999 г. в них обратились лишь 29,5% всех безработных (в октябре 1998 г. – 37,2%).

В условиях любого экономического кризиса, когда спрос на рынке труда сокращается, возникает опасность перехода безработицы в застойные формы. Здесь ситуация во время «второго» кризиса оказалась относительно спокойной. Средняя продолжительность поиска работы у всех безработных в ноябре 2008 и 2009 гг. практически не изменилась, составив соответственно 7,7 и 7,9 месяцев (в декабре 2009 г. она не принципиально увеличилась, достигнув 8 месяцев). Доля же не работавших более года (временной рубеж, к которому привязывается десоциализация

работника) в общей численности безработных в этот период не только не увеличилась, но и несколько сократилась – с 33,3% до 32% (в декабре 2009 г. она составила 32,9%). Объективности ради отметим, что ситуация в 2009 г. все-таки ухудшалась: в феврале среднее время поиска работы оценивалось в 6,8 месяцев, а доля искавших работу более года составляла 27,1%.

Десятилетием ранее ситуация имела гораздо более острый характер. Так, в октябре 1999 г. средняя продолжительность поиска работы безработными составила 9,7 месяцев, увеличившись по сравнению с октябрём 1998 г. более чем на полмесяца. Существенно возросла за этот период и доля не имевших работы более года – с 40,9% до 47,3%.

Структуры безработных по причинам снятия с учета в 1999 и 2009 гг. оказались соответственно следующими:

- а) нашли работу (доходное занятие) – 58,1% и 48,1%;
- б) приступили к профессиональному обучению – 9,8% и 10,5%;
- в) оформлены на досрочную пенсию – 0,7% и 2,6%;
- г) сняты с учета по другим причинам (включая получивших трудовую пенсию) – 41,2% и 38,8%.

Как видим, во время «второго» кризиса возможности трудоустройства на постоянное место работы существенно сузились по сравнению с «первым» кризисом. Однако при этом получили широкое распространение общественные работы: если в 1999 г. в них приняли участие 294 тыс. безработных, то в 2009 г. – уже 1063 тыс., или в 3,6 раз больше.

Что касается спроса на труд на регистрируемом рынке труда, то его изменения в период «первого» и «второго» кризисов были разнонаправленными. В 2009 г. потребность работодателей в работниках, заявленная в государственные учреждения службы занятости, сокращалась. Например, в феврале она оказалась меньше, чем в феврале 2008 г. на 289 тыс. или на 24,8%, в мае – на 331 тыс. или на 21,3%, в августе – на 321 тыс. или на 20,8% и в ноябре – на 2 тыс. чел. или на 0,2%. Напротив, в 1999 г. эта потребность после некоторого зимнего спада в феврале – на 11 тыс. или на 3,1% по сравнению с февралем 1998 г., в дальнейшем она резко увеличилась. В мае работодатели заявили о 535 тыс. имевшихся у них вакансий (на 93 тыс. или на 21% больше по сравнению с маем 1998 г.), в августе – о 673 тыс. (соответственно на 222 тыс. или на 49,2% больше по сравнению с августом 1998 г.) и в ноябре – о 617 тыс. (на 290 тыс. или на 88,7% больше по сравнению с ноябрём 1998 г.). В результате нагрузка не занятого трудовой деятельностью населения на одну заявленную вакансию сократилась. Если, например, в ноябре 1998 г. на нее приходилось в среднем 6,5 чел., то в ноябре 1999 г. – всего 2,4 чел., т.е. в 2,7 раза меньше. Напротив, нагрузка не занятого населения на заявленную работодателями вакансию в ноябре 2009 г. по сравнению с ноябрём 2008 г. оказалась почти в 2 раза больше, составив 2,3 чел.

Мы уже говорили о том, что за прошедшее после кризиса 1998 г. время существенно изменилась психология многих российских домохозяйств. Ранее мы писали о необходимости сочетания социальной ответственности государства с социальной ответственностью домохозяйств [Смирнов 2001]. Статистические данные свидетельствуют, что эта ответственность действительно стала присутствовать в

решениях, которые принимались домохозяйствами в условиях кризиса. Речь идет о том, что мы называем *экономическим самострахованием* домохозяйств.

Можно по-разному оценивать наличие в современной российской истории периода, в течение которого мировые цены на нефть оставались достаточно высокими. Но нельзя отрицать того очевидного факта, что в этих условиях часть российских домохозяйств, как правило, средне- и высокодоходных, выстраивая стратегии своего потребительского поведения, стали учитывать фактор собственной социальной ответственности. И проявился данный феномен преимущественно в том, что такие домохозяйства стали заботиться о собственном страховании в кризисных условиях, направляя часть своих доходов не на текущее потребление, а на сбережения, в состав которых включаются не только прирост (уменьшение) вкладов, но и приобретение ценных бумаг, недвижимости, изменение задолженности по кредитам, а также изменение средств на счетах индивидуальных предпринимателей (см. *таблица 5*). В 2009 г. доля денежных доходов, использованных населением на сбережения, составила 14,2% по сравнению с 5,3% в 2008 г.

С другой стороны, приходится с сожалением констатировать, что финансовые основы для социально ответственного поведения реально были у очень ограниченного числа домохозяйств. Несмотря на то, что в результате роста реальных денежных доходов жителей страны в предкризисные месяцы 2008 г. на сбережения во вкладах и ценных бумагах направлялась несколько *большая* доля денежных доходов, чем в предкризисные месяцы 1998 г. (см. *таблица 6*), это увеличение было незначительным.

Таблица 6. Доля денежных доходов, использованных населением на сбережения во вкладах и ценных бумагах, %

Месяц	1998	1999	Изменение	2008	2009	Изменение
Январь	4,8	2,6	-2,2	-2,4	-17,9	-15,5
Февраль	4,7	4,5	-0,2	4,8	3,3	-1,5
Март	4,6	2,3	-2,3	4,6	2,5	-2,1
Апрель	4,3	4,3	0,0	7,6	6,7	-0,9
Май	1,6	4,0	2,4	5,0	5,9	0,9
Июнь	-0,3	4,7	5,0	6,7	6,4	-0,3
Июль	-2,6	4,0	6,6	4,0	2,8	-1,2
Август	-10,4	2,4	12,8	5,2	0,8	-4,4
Сентябрь	-7,2	2,7	9,9	-4,3	3,6	7,9
Октябрь	1,6	2,8	1,2	-19,7	6,5	25,2
Ноябрь	2,2	3,3	1,1	-7,8	7,2	15,0
Декабрь	6,6	6,3	-0,3	-2,4	11,5	13,9

В отличие от 1998 г. в 2008 г. домохозяйства имели возможность принимать решения по управлению своими финансовыми активами в гораздо более мягких

внешних условиях, что, например, повысило возможность в условиях девальвации рубля использования такой формы страхования сбережений, как приобретение валюты. Ситуация здесь в 1998–1999 и 2008–2009 гг. представляется принципиально различной. Достаточно сказать, что в декабре 1998 г. рубль обесценился по отношению к доллару по сравнению с августом в 2,6 раза. В 1999 г. девальвация рубля по отношению к доллару составила еще 30,8%.

Иная модель так называемой управляемой (контролируемой) девальвации рубля – реализовывалась в стране в конце 2008 – начале 2009 гг. В результате в сентябре – декабре 2008 г. рубль подешевел по отношению к доллару всего на 19,5%, а в январе – феврале 2009 г. – еще на 21,6%. В дальнейшем вплоть до октября тенденция изменилась, и в ноябре рубль по отношению к доллару стоил дороже, чем в феврале, на 19,8%. Поэтому у населения во время «второго» кризиса имелись реальные возможности реструктурировать свои сбережения, переведя их в иностранную валюту. Собственно этим россияне и занимались в октябре, ноябре и декабре 2008 г., а также в январе 2009 г., когда на покупку валюты ими было направлено соответственно 13,4%, 12,2%, 15% и 22,4% доходов (за первые 9 месяцев 2008 г. средняя доля доходов, направленных на приобретение валюты составила всего 5,8%). Естественно, что в эти месяцы доля денежных доходов, которые направлялись населением на сбережения во вкладах и ценных бумагах имела отрицательный знак, составив соответственно 19,7%, 7,8%, 9,2% и 17,9%. Именно за счет таких сбережений в период наиболее быстрой девальвации рубля поддерживался высокий спрос физических лиц на валютном рынке.

Иным было развитие ситуации в 1998 г. В тот период имело место «упреждающее» приобретение валюты. Относительно дешевый доллар позволил населению в январе–августе ежемесячно направлять на приобретение валюты в среднем 15,3% своих доходов. После резкой девальвации рубля этот показатель в сентябре – декабре 1998 г. уменьшился почти в 2 раза – до 8,2%.

Можно по-разному оценивать эффективность антикризисных мер Правительства Российской Федерации в 2008–2009 гг., но нужно признать, что, в отличие от 1998 г., в стране не началась банковская паника, а возможности приобретения населением валюты ограничивались только его платежеспособным спросом.

Важно, что в 2008–2009 гг. за счет своевременной индексации государственных трудовых пенсий удалось обеспечить некоторое *повышение уровня пенсионного обеспечения* российских граждан, хотя на первых этапах кризиса предполагалось, что в наибольшей мере его негативные последствия скажутся именно на российских пенсионерах, как это было в 1998–1999 гг. Однако фактически пенсионеры, не имеющие иных источников дохода, кроме пенсий, оказались той группой населения, которая в условиях кризиса, как минимум, не проиграла.

В 2009 г. средний размер назначенных месячных пенсий в стране увеличился по сравнению с 2008 г. на 992 руб. или на 23,6% при росте потребительских цен на 11,7%. Во втором квартале 2009 г. пенсии по старости превысили величину прожиточного минимума пенсионеров на 35% по сравнению с 19,1% во втором квартале 2008 г. (в третьем квартале 2009 г. это превышение составило 29,1%). Кроме того, впервые за годы проведения пенсионной реформы, благодаря индексациям ее страховой части и увеличению базовой, в кризисном 2009 г. удалось повы-

силь так называемый коэффициент замещения. Если в 2008 г. отношение среднего размера назначенных пенсий к среднему размеру начисленной заработной платы составило 0,243, то в 2009 г. – уже 0,276. Конечно, эти показатели являются относительным социальным достижением, и их не следует переоценивать, поскольку они обусловлены в том числе и медленным ростом номинальной начисленной заработной платы. Но нельзя забывать, что в период «первого» кризиса ситуация с государственными трудовыми пенсиями оказалась худшей для российских пенсионеров, причем принципиально худшей.

В первый кризисный месяц (август 1998 г.) средний размер назначенных месячных пенсий составил в стране 402,7 руб. В течение последующих 8 месяцев пенсии не повышались, и в апреле 1999 г. составили 403,1 руб., т.е. на 40 копеек (!) больше по сравнению с августом 1998 г. В мае 1999 г. впервые за время кризиса пенсии были повышены и их средний размер достиг 455,5 руб. Следующее повышение, в результате которого размер пенсий повысился до 519,2 руб., состоялось в ноябре 1999 г. Подводя итоги динамики уровня государственного пенсионного обеспечения в тот период, отметим, что, во-первых, реальный размер начисленных пенсий в период «первого» кризиса в стране снизился. Перед первым повышением в апреле 1999 г. он составил 47,2% по отношению к апрелю 1998 г., и только в декабре 1999 г. после двух проведенных повышений пенсий значение данного показателя увеличилось до 94,4% (по отношению к декабрю 1998 г.). Во-вторых, резко снизился коэффициент замещения. Если в августе 1998 г. он составил 0,385, то в декабре 1998 г. – 0,272, а спустя год, в декабре 1999 г. – всего 0,229. В-третьих, средний размер назначенных месячных пенсий, который до начала кризиса превышал величину прожиточного минимума пенсионера (в августе 1998 г. – на 27%) в результате кризиса оказался существенно ниже этой величины. В декабре 1999 г. пенсия покрывала всего 77,5% прожиточного минимума российского пенсионера.

Довольно любопытными представляются изменения, которые происходили в период «первого» и «второго» кризисов в структуре денежных доходов населения страны. Эти изменения оказались во многом разнонаправленными (см. *таблица 7*). Эта разнонаправленность проявилась в следующем.

Таблица 7. Структура денежных доходов населения, %

Год	Всего	В том числе:				
		оплата труда	доходы от предпринимательской деятельности	доходы от собственности	социальные выплаты	Другие доходы
1998	100	64,8	14,8	5,5	13,1	1,8
1999	100	63,9	14,4	7,4	13,4	0,9
2008	100	68,3	10,3	6,2	13,2	2,0
2009	100	69,4	9,7	4,3	14,6	2,0

Во-первых, в период «первого» кризиса роль основного источника формирования денежных доходов населения – оплаты труда практически не изменилась, в

то время как во время «второго» – зависимость занятых в экономике от работодателей возросла.

Во-вторых, в 1998–1999 гг. практически не изменилась роль социальных трансфертов, прежде всего, пенсий в формировании доходов населения, в то время как в 2008–2009 гг. их роль повысилась благодаря упоминавшимся в статье своевременным индексациям пенсий.

В-третьих, в 1998–1999 гг. фактически вынужденные ориентироваться на стратегии самовывживания домохозяйства в максимальной степени вынуждены были мобилизовывать свои имущественные активы в целях увеличения доходов, в то время как в 2008–2009 гг. такой возможности у домохозяйств не было. Последнее может объясняться сокращением реальных доходов от занятости у многих работников (см. *таблица 2*), которые могли формировать спрос на рынке имущественных активов, например, спрос на съемные квартиры. В этих условиях сокращалась стоимость аренды жилья, в отличие от 1998–1999 гг., когда реальные доходы населения от занятости повышались.

Наконец, в 2008–2009 гг. произошло сокращение доли тех доходов населения, которые в нестрогой терминологии мы определяем как «продвинутые», включая в их состав доходы от предпринимательской деятельности и от собственности, в то время как в 1998–1999 гг. сократилась доля только их первой компоненты, в то время как доля второй – увеличилась.

Общим же во время обоих кризисов стало сужение возможностей для осуществления предпринимательской деятельности. В результате роль доходов от нее в формировании денежных доходов населения уменьшилась. Правда, в 2008–2009 гг. сокращение доли этих доходов началось с гораздо более низкого уровня, чем в 1998–1999 гг., однако долгосрочные тенденции социальных показателей не являются объектом анализа в данной статье.

Ну, и последнее, о чем хотелось написать – о проблеме, которая с самого начала экономических реформ в России является крайне болезненной для общества и уж тем более – для политиков. Речь идет о *социально-экономической дифференциации россиян*. В 2008–2009 гг. эта дифференциация оказалась стабильной. По данным Росстата, в 2009 г. на долю 10% наиболее обеспеченного населения приходилось 31% общего объема денежных доходов по сравнению с 31,1% в 2008 г. При этом индекс концентрации доходов (коэффициент Джини) не изменился, составив 0,422, а коэффициент фондов (дифференциации доходов) уменьшился с 16,8 до 16,7.

В 1998–1999 гг. ситуация была несколько иной. Отличие состояло в том, что при некотором снижении доли доходов, которые приходились на долю 10% наиболее обеспеченного населения (с 32,8% до 32,7%), несколько увеличились как коэффициент Джини (с 0,399 до 0,400), и в большей степени – коэффициент фондов (с 13,5 до 13,8). Увеличение последнего означал, что в 1999 г. возрос разрыв между средним уровнем денежных доходов 10% населения с самыми высокими доходами и 10% населения с самыми низкими доходами.

Общий вывод из всего обширного статистического материала, который был проанализирован, как представляется автору, ранее не был сделан ни одним из его уважаемых коллег (приношу искренние извинения научному сообществу социаль-

ных экономистов, если это не так). Он состоит в том, что различные варианты преодоления социальных последствий экономических кризисов имеют свою цену, которую платит социум.

В 1998–1999 гг. российское население было фактически предоставлено самому себе, и многие домохозяйства в тот период были вынуждены ориентироваться на стратегию, определяемое как «самовыживание», когда государство минимизирует свое участие в преодолении социальных последствий кризиса (последнее было продемонстрировано автором на примере динамики пенсионного обеспечения россиян в период «первого» кризиса. На данное обстоятельство обращали внимание серьезные неполитизированные эксперты, в частности, О.И. Шкаратан [*Кузьминов Я. и др.* 1999]. Во многом это напоминало ситуацию, которая сложилась после запуска в стране в начале 1990-х гг. экономических реформ. Эта стратегия неизбежно привела к углублению социально-демографической дифференциации населения, поскольку изначально ставила домохозяйства в неравные условия: факторами, которые влияли на возможность выживания, являлись социально-демографический состав домохозяйств, их образовательный ценз и профессионально-квалификационные характеристики, имущественные и финансовые активы домохозяйств.

Но следует отметить и важный положительный социально-психологический момент: наиболее продвинутая часть домохозяйств, достигшая экономических успехов на ниве самовыживания, стала носителями антигосударственной (антибюрократической) идеологии, хранителями либеральных ценностей, приверженцами личной свободы. Однако в структуре российского общества таких домохозяйств – меньшинство, и к тому же вопросы правовой чистоты достигнутых ими экономических успехов, на мой взгляд, в течение длительного времени будут оставаться предметом общественных дискуссий.

В 2008–2009 гг. российское государство смогло реально продемонстрировать свое намерение реализовать то конституционное положение, согласно которому Российская Федерация является социальным государством. В центре социальной политики оказались граждане, которые получают социальные трансферты. Меры по финансовой поддержке были приняты не только в отношении пенсионеров, но и зарегистрированных безработных – максимальный размер пособия по безработице был повышен до 4900 руб. в месяц. Расчеты автора [*Смирнов 2009*] показали, что с учетом региональных надбавок эта величина на наиболее острой стадии кризиса в начале 2009 г. соответствовала прожиточному минимуму трудоспособного населения. Понятно, что не все безработные получают пособие в максимально возможном размере: например, в Москве, по данным городского управления службы занятости в ноябре 2009 г. средний размер начисленного пособия за ноябрь составил 3107 руб. при прожиточном минимуме трудоспособного населения около 8500 руб. В 1998–1999 гг. масштабная политика, направленная на социальную поддержку наиболее уязвимых в условиях кризиса групп населения не могла проводиться по определению, поскольку в тот период на фоне неблагоприятной конъюнктуры нефтяного рынка не были созданы необходимые для ее финансирования резервы. А вот к началу «второго» кризиса в стране существовали резервный фонд и фонд

национального благосостояния, в которых в августе–сентябре 2009 г. было сконцентрировано более 850 млрд руб.

Как бы ни критиковались антикризисные мероприятия, реализованные Правительством Российской Федерации в 2009 г., но опережающая финансовая поддержка пенсионеров относится к одним из наиболее социально оправданных направлений государственной социальной политики в период «второго» кризиса. Однако ситуация с безработными видится сложнее: дискуссии по поводу размеров пособия, при котором безработный становится социальным иждивенцем, кажутся бесконечными. И именно последнее заставляет задуматься о пределах социальной ответственности государства с тем, чтобы исключить тот вариант, при котором снижается социальная и экономическая ответственность домохозяйств, растет их зависимость от государства. Вспомним, например, о снижении роли предпринимательского дохода в формировании доходов домохозяйств не только в 2008–2009 гг., но и на протяжении того периода, который многими определяется как «тучные нефтяные годы». Опасность роста зависимости от государства, которое в своих современных бюрократических проявлениях отнюдь не идеально, – один из уроков кризиса 2008–2009 гг. и важное предостережение на будущее.

Литература

- Гонтмахер Е.Ш., Малева Т.М. Социальные проблемы России и альтернативные пути их решения // Вопросы экономики. 2008. № 2.
- Исаев Н.И., Смирнов С.Н. Социальная политика: новый курс // Вопросы экономики. 1999. № 2.
- Кузьминов Я.И., Смирнов С.Н., Шкаратан О.И., Якобсон Л.И., Яковлев А.А. Российская экономика. Условия выживания, перспективы развития. М.: ГУ–ВШЭ, 1999.
- Пенсия в ваших руках // под редакцией Г.П. Дегтярёва. М.: Просвещение, 2003.
- Ржаницына Л.С., Рыбальченко С.И. Социальные последствия экономического кризиса в 2009 г. // Человек и труд. 2010. № 1.
- Смирнов С.Н. Социальная ответственность государства и домохозяйств // Мир России. Т. 10. 2001. № 2 (25).
- Смирнов С.Н. Страховка от безработицы // Россия. № 14 (646). 16 апреля 2009.
- Шараев А., Кальев Е., Москвин О. Ваша пенсия. М.: Интерсити Групп, 2004.